

О ВОЙТКОВСКОМ Н. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВОЙТКОВСКИЙ Николай Александрович, родился в 1893 в Томске. Учился в Технологическом институте, с 1914 — служил чиновником в ведомстве акцизов, с 1915 — на фронте. В 1918 — студент Технологического института в Томске. В октябре 1920 — арестован по обвинению в службе у Колчака. 23 декабря освобожден, дело прекращено. Посвящен во иерея, служил в церкви местечка Кузьмин Проскуровского округа. 13 декабря 1928 — арестован, 5 апреля 1929 — приговорен к 3 годам ссылки и в сентябре отправлен в село Реполово Остяко-Вогульского округа, работал дроворубом.

В декабре 1931 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<14 декабря 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

13 декабря сего 1931 года я окончил трехлетний срок ссылки, назначенной мне по постановлению Особого Совецания при Коллегии ОГПУ ССР от 5/IV-1929 года (статья 58-10 УК). Был арестован я 13/XII-28 года и все время до прибытия к месту ссылки в Тобольский бывший, ныне Остяко-Вогульский округ, находился под стражей — до 2-го сентября 1929 года, т<о> е<сть> в течение 9 месяцев. Все время пребывания в ссылке я работал по мере здоровья своего, несмотря на слабые физические силы мои, в качестве дроворуба, заготавливая дрова для гос<ударственного> пароходства и для учреждений. Здесь же в ссылке здоровье мое окончательно подорвано: ибо, вследствие моей бедности, и не имея материальной поддержки извне, так как у меня нет зажиточных родственников, приходилось работать в плохой одежде и рваной обуви, и в результате я нажил жестокий ревматизм и др<угие> простудные болезни. Тяжелые ли условия, в которых пришлось провести 9 месяцев заключения под стражей до прибытия в Сибирь, вечная тоска по родной любимой семье, тревога за них, оставшихся на родине буквально без всяких средств к жизни вызвали тяжкую сердечную болезнь, часто жестоко мучившую меня и неуклонно приближающую меня к могиле, что я сознаю прекрасно и уже не строю никаких иллюзий о возможности излечения. Имея 43 года, я стал нетрудоспособным инвалидом и работать уже не в силах. Вследствие этого приходится мне испытывать тяжелую нужду и лишения вплоть до голодовки.

Теперь срок, назначенный мне, я окончил, остается ждать разрешения поехать из места ссылки, а оно часто запаздывает на целые месяцы (5-6-7 и более). Вследствие этого последнего обстоятельства, я осмеливаюсь Вас беспокоить — в чем душевно прошу простить меня — просьбою оказать мне величайшую милость и, если возможно, хлопотать о скорейшем разрешении мне выезда из холодного, сурового климата Сибири <...> Николай Войтковский.

Село Реполово Остяко-Вогульского округа.

14 декабря 1931 года»¹.

В январе 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Елена Николаевна Войтковская.

<4 января 1932 года>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 840. С. 16-17. Автограф.

13 Декабря этого года закончился срок ссылки моего мужа — Войтковского Николая Александровича, находящегося в настоящее время в <еле> Реполово, бывш<его> Тобольского, теперь же — Остяко-Вогульского Округа, Уральской обл<асти>.

Муж мой был выслан из Проскуровского округа, бывшей Подольской губ (УССР) по постановлению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ ССР от 5/IV-1929 года — на три года с зачетом предварительного заключения под стражей. Зная, что документы на выезд из места ссылки обычно запаздывают на 4-5-6 и более месяцев после окончания срока, я и решила обратиться к Вам. Я так исстрадалась и измучена за эти 3 года постоянной нужды, великого горя, тяжелого непрерывного труда: ведь надо было прокормить семью из 6 душ дома, да еще помочь и мужу на чужбине. Я умоляю Вас, — помогите мне и силою влияния Вашего верните мне мужа из места дальней ссылки, если невозможно сюда — в Подольскую губ<ернию>, — то хоть в близкое к этой губернии место, чтобы я имела возможность поехать к нему.

Мне совестно, я бы не смела тревожить Вас своею просьбою, но я уже окончательно выбилась из сил в постоянной борьбе за кусок хлеба, при вечной тоске по любимому мужу, в вечной тревоге за его жизнь: несчастья сломили и без того слабое здоровье мужа моего, и недуг, который стал хроническим, неуклонно и верно приближает роковой конец. И только одна дума, одна мысль, одно стремление: если ему суждено скоро умереть, то пусть это свершится здесь, около меня, чтобы нам умереть вместе в один день, в один час. Все равно я не перенесу его утраты. Ехать же туда к нему: давно поехала бы, но для этого нужны деньги, очень много денег, а где их взять? А потом — как, на кого оставить деток? Покуда есть надежда, что нам будет оказана справедливость, что мы будем вместе, я должна, обязана выбирать между мужем и детьми и потому я — с детьми. Но если с ним случится несчастье, без него мне и детей не нужно... Пусть не удивят Вас такие чувства, мысли и такое настроение души мой: иначе я не могу!

Слишком я люблю своего мужа, уважаю его бесконечно, уважения и любви он заслуживает безусловно: это кристально, безукоризненно чистый и честный человек вообще, в отношении же меня он является спасителем и благодетелем моим. Еще в 1910 году он вырвал меня из семьи моей, где моя родная мать издевательски жестоко обращалась со мною, где готовила мне замужество с богатым стариком. Тогда, когда в тогдашнем обществе царили предрассудки и рознь и презрение различного фасона "господ"-дворян и интеллигентов к беднякам-крестьянам, муж мой порвал со всем своим кругом и женился на мне, неграмотной крестьянке: ради меня он порвал со всеми своими родными, восставшими против брака нашего и лишившими его — тогда 20 летнего юношу — средств к жизни, средств для продолжения образования, благодаря чему очень способный и даровитый юноша — мой муж — остался без законченного образования, и вследствие этого и раньше, и потом не мог устроиться на вполне обеспечивающем содержании. Женившись на мне, муж мой развил во мне любовь к знанию, научил мыслить, открыл глаза на все происходящее в мире, вложил отвращение ко всякой низости и подлости, он воспитал меня и заставил в конце концов уважать меня и тех, кто прежде с насмешкою и презрением смотрел на меня, даже своих родных, за это моя любовь, уважение и благодарность ему безмерны.

Лишенные материальной поддержки своих, тогда довольно зажиточных родителей, после женитьбы мы страшно бедствовали,

натерпелись и голода, и холода, пока кое-как лишь в 1914 г<оду> муж устроился на постоянную службу в акцизе, хоть и с маленьким, но все-таки постоянным жалованьем. Но недолго продолжалось наше спокойное житье. Проклятая война в 1915 году оторвала от меня моего мужа: он был призван и до 1918 г<ода> переносил всевозможные скитания военного, и это тогда, когда саму военщину глубоко ненавидел. А затем настал период гражданской войны, и от участия в боях стоило невероятных трудов ему уклониться. А затем пришел кошмар гражданской войны, от мобилизации которой стоило невероятных трудов ему уклониться. Затем начался голод, толкнувший его пожертвовать собой ради спасения от голодной смерти семьи и уйти в область деятельности, которую он так не хотел, которой боялся и от которой категорически уклонялся, несмотря на все "протекции" еще в царское время: мужу пришлось принять сан священника, больше некуда было идти, выбор был: или это, или голодная смерть. Не стоит скрывать: муж мой человек безусловно и глубоко верующий, иначе, конечно, и сам голод не заставил бы идти в священники его; просто по своей нравственной чистоте он считал себя неспособным быть хорошим священником, а быть плохим, — говорил он — безнравственно и низко.

Когда это совершилось, то муж мой зарылся от всего и всех в землю, огородничая на клочке земли, отдавшись всецело семье. Тихо шла наша жизнь. Кроме службы и огорода муж ничем не интересовался, ни во что не вмешивался, никогда ни в чем не выразил и тени нелояльности к существующему порядку вещей. Несмотря на это, нашлись люди, которые ради личных выгод, отчасти из личных счетов, оклеветали моего мужа, а я думаю, Вам известно, много ли надо, чтобы оклеветать "попа" — и вот начался кошмар для него, для меня, для детей. Его от нас взяли в тюрьму, а потом увезли за тысячи верст, разлучили нас, разбили нашу тихую семейную жизнь и радость. Я — женщина и пишу к женщине в полнейшей надежде, что письмо мое не вызовет насмешки. Я верю в то, что свое сокровенное, дорогое мне душевное мое, я этим письмом не на базар суеты житейской я вынесла, а понесла свое горе к душе, способной откликнуться на мое горе и могущей помочь мне. Вы скажете: "Зачем волноваться? Срок окончен, надо ждать лишь документов, иметь терпение, все придет в свое время"...

Ах, если бы Вы знали мою скорбь, если бы не было признаков для нас характера неутешительного, если бы Вы знали, что есть отчего тревожиться. Симптомы нехорошие, грозные и заставляют меня бить набат.

Екатерина Павловна! Неужели же возможно такая великая неправда, такая ужасная несправедливость, чтобы моего бедного, ни в чем, абсолютно ни в чем невинного мужа не выпустить из ссылки или, что еще хуже, добавили наказание?.. Ведь это ужас и смерть для всей семьи нашей — и без единой вины, ни за что, ни про что!..

Подумайте об этом нашем ужасе, Екатерина Павловна, и сжальтесь над нами, помогите мне и верните мне мужа. В этом письме нет ни одного слова лжи, истинное горе и скорбь свои я, как могла, так передаю Вам. И прошу простить меня за длинное письмо, я в отчаянии, я бы так хотела, чтобы моему мужу была оказана справедливость, и мне больше ничего не нужно, я прошу правосудия, и раз он невиновен, раз отбыл срок ссылки, то пусть и будет он освобожден и отпущен домой.

Примите мое глубокое уважение к Вам и простите меня.

Елена Войтковская.

Мой адрес:

Почта м<естечко> Кузьмин, бывш<его> Проскуровского округа

(УССР), билет № 2.
Елене Николаевне Войтковской»².

Елена Николаевна Войтковская была права, когда так волновалась за судьбу мужа, очевидно, срок ссылки был продлен еще на 3 года. В середине 1930-х — Николай Александрович Войтковский находился в Томске и работал ревизором в городском финансовом отделе. 23 июля 1937 — арестован как «участник "Союза спасения Родины"», 7 августа приговорен к ВМН и 19 августа расстрелян³.

---

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 840. С. 20-22. Автограф.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.